

Эрих
ФРОММ

Кризис
психоанализа

PHILOSOPHY

Эрих Фромм
Кризис психоанализа
Серия «Философия – Neoclassic»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=656265

*Эрих Фромм. Кризис психоанализа: АСТ, АСТ Москва, Полиграфиздат;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-17-102561-8

Оригинал: ErichFromm, "THE CRISIS OF PSYCHOANALYSIS"

Перевод:

Александра В. Александрова

Елена Г. Руднева

Аннотация

«Кризис психоанализа» – одна из знаковых работ великого германского философа-гуманиста и социального психолога Эриха Фромма – ученого, революционизировавшего психоанализ и создавшего новую теорию, противоположную фрейдистской.

В этой работе, оказавшей огромное влияние на развитие современной философии, педагогики и даже литературы, автор анализирует «сексуализацию» психологии Фрейдом и его многочисленными последователями – и одновременно «социализацию» философии Марксом и его последователями – и развивает собственную концепцию становления и развития человеческой личности, на которую в равной степени оказывают влияние сознательное и бессознательное, общее – и частное.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

I. Предисловие	6
II. Кризис психоанализа	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эрих Фромм

Кризис психоанализа

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm и литературного агентства Lieberman AG, Literary Agency.

© Erich Fromm, 1970

© Перевод. А. Александрова, 2017

© Перевод. Е. Руднева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

I. Предисловие

Это собрание эссе, написанных в разное время между 1932 и 1969 гг., объединяет общая тема взаимосвязи между психологическими и социальными факторами. Решение опубликовать и ранние статьи, изначально изданные на немецком языке, было принято в связи с тем, что они все еще представляют собой самое полное и адекватное изложение теоретического базиса, на котором основаны мои позднейшие работы по этой тематике. Мне представляется, что они особенно своевременны сегодня, когда данный предмет (особенно связь между теориями Маркса и Фрейда) вызывает горячие дискуссии – дискуссии, которые, боюсь, носят иногда непрофессиональный и путаный характер. Я немного изменил бы в тех ранних работах, за исключением того, что сегодня я не написал бы их в терминах фрейдовской теории либидо; однако это едва ли имеет большое значение, поскольку общее направление мысли сохраняется. Я преодолел искушение сделать какие-либо изменения в содержании этих статей, но указал на расхождения между тем, что в них говорилось, и моими современными взглядами в примечаниях; единственные изменения, которые я внес, заключаются в сокращении тех их частей, которые представляются излишне длинными или касаются мелких моментов, не представляющих сегодня интереса.

Обширное эссе, которым открывается книга, «Кризис психоанализа», так же как «Значимость теории материнского права сегодня» и «Эпилог», были написаны специально для этого тома. Касаясь в первую очередь психоаналитической теории и терапии, «Кризис психоанализа» содержит попытку проанализировать социальные детерминанты развития психоанализа, как это делается и во второй главе в отношении фрейдовской модели человека.

Главы различаются между собой и потому, что были написаны по разным поводам. По этой причине меняется не только их стиль; в определенной мере они повторяют друг друга. Этого можно было бы избежать, только урезав их, что привело бы к разрушению индивидуального характера каждой статьи. Надеюсь, читатель примирится с этим, в особенности потому, что иногда даже повторяющиеся утверждения не идентичны, а в одном случае выражают идеи более полно, чем в другом, так что они могут даже прояснять друг друга.

«Кризис психоанализа» содержит некоторые идеи, которые я более полно развиваю в обширном и пока еще не опубликованном исследовании, которое предположительно будет называться «Гуманистический психоанализ», отчасти поддержанном исследовательским грантом 5 ROIMN 1314402 Национального института психического здоровья Службы здравоохранения США.

Хочу выразить горячую благодарность мистеру Джозефу Каннину из издательства «Холт, Райнхарт и Уинстон», ока-

завшему мне огромную помощь и проявившему глубокое понимание при редактировании рукописи, и доктору Джеро-му Брамсу за его помощь при обсуждении Эго-психологии.

Э. Ф., январь 1970 г.

II. Кризис психоанализа

Современный психоанализ переживает кризис, который при поверхностном взгляде проявляется в определенном уменьшении числа студентов, стремящихся к подготовке в психоаналитических институтах, а также в числе пациентов, обращающихся за помощью к психоаналитикам. В последние годы появились конкурирующие виды терапии, обещающие лучшие результаты лечения и требующие гораздо меньших затрат времени, а отсюда, конечно, и денег. Психоанализу, в котором десять лет назад городской средний класс видел избавление от своих психологических проблем, теперь приходится защищаться от конкурентов-психотерапевтов и от потери своей терапевтической монополии.

Чтобы оценить этот кризис, полезно рассмотреть историю психоаналитической терапии. Более половины столетия назад психоанализ открыл новую область – экономически говоря, новый рынок. До того человек должен был быть безумным или страдать от болезненных и ограничивающих социальные возможности симптомов, чтобы считаться достойным помощи психиатра. Менее выраженные психические проблемы считались относящимися к сфере деятельности священника или семейного врача; в большинстве случаев от человека ожидалось, что он справится с ними сам или будет молча страдать.

Когда Фрейд начал свою терапевтическую работу, он имел дело с пациентами, которые были «больны» в общепринятом смысле слова: они страдали от затрудняющих жизнь симптомов вроде фобий, навязчивой тяги и истерии, даже если они не были психопатами. Когда психоанализ начал медленно распространять свои методы на людей, которые традиционно не считались «больными», пациенты начали обращаться с жалобами на свою неспособность наслаждаться жизнью, на неудачные браки, на общую тревожность, на мучительное чувство одиночества, на трудности в том, чтобы справляться с работой и т. д. В противоположность прежней практике эти жалобы стали классифицироваться как «болезнь» и новый тип «помощника» – психоаналитик – должен был позаботиться о преодолении «трудностей жизни», которые до того не рассматривались как требующие профессиональной помощи.

Это развитие не произошло одномоментно; однако постепенно оно стало очень важным фактором в жизни городского среднего класса, особенно в Соединенных Штатах. До сравнительно недавнего времени было почти «нормальным» для представителя определенной городской субкультуры «иметь своего аналитика» и значительную часть времени проводить «на кушетке», как проводили его в церкви или в храме.

Причины такого бума психоанализа легко понять. Наше столетие, «эпоха тревоги», породило все возрастающее одиночество и изоляцию. Упадок религии, кажущаяся бесплод-

ность политики, появление полностью отчужденного «человека организации» лишили городской средний класс системы ориентации и ощущения надежности в бессмысленном мире. Хотя некоторые люди нашли, казалось бы, новые ориентиры в сюрреализме, радикальной политике или дзен-буддизме, в целом разочарованный либерал искал философию, которую он мог бы принять без каких-либо фундаментальных перемен в своем взгляде на жизнь, т. е. не становясь «другим» по сравнению со своими друзьями и коллегами.

Психоанализ предлагал удовлетворение этой потребности. Даже если симптом не излечивался, было огромным облегчением иметь возможность говорить с кем-то, кто внимательно и более или менее доброжелательно слушал. То, что психоаналитику приходилось платить за выслушивание, оказывалось лишь незначительным недостатком; возможно, это было даже вовсе не недостатком, потому что сам факт платы аналитику доказывал, что терапия серьезна, уважаема и многообещающа. Кроме того, престиж психоанализа был высок, поскольку экономически он являлся предметом роскоши.

Психоаналитик предлагал замену религии, политики и философии. Фрейд предположительно раскрыл все секреты жизни: бессознательное, эдипов комплекс, повторение детского опыта; как только человек понимал все эти концепции, для него не оставалось ничего таинственного или сомнительного. Индивид становился членом довольно экзоти-

ческой секты, в которой аналитик был жрецом; проводя время на кушетке, человек чувствовал себя менее озадаченным и менее одиноким.

Это особенно распространялось на тех, кто страдал не от ясно выраженных симптомов, а от общего дискомфорта. Такой индивид, чтобы измениться в нужную сторону, должен был получить представление о том, каков неотчужденный человек, что значит жить жизнью, при которой нужно *быть*, а не *иметь* или *использовать*. Такое видение потребовало бы радикальной критики собственного общества, его открытых и в особенности скрытых норм и принципов; оно потребовало бы мужества отказаться от многих удобных и обеспечивающих защиту связей и оказаться в меньшинстве; оно также потребовало бы большего числа психоаналитиков, которые сами не были бы затянуты в психологическую и духовную путаницу автоматизированной, индустриализированной жизни.

Часто можно было наблюдать «джентльменское соглашение» между пациентом и психоаналитиком; ни один из них на самом деле не хотел потрясения фундаментально новым опытом; их удовлетворяли мелкие «улучшения», они, не осознавая этого, были благодарны друг другу за то, что не выносят на поверхность неосознанный «сговор» (если использовать термин Р. Д. Лэинга). До тех пор пока пациент приходил, разговаривал и платил, а аналитик слушал и «интерпретировал», правила игры соблюдались, и игра устраи-

вала обоих участников. Более того, наличие аналитика часто использовалось для того, чтобы уклониться от пугающего, но неизбежного факта: необходимости принимать решения и подвергаться риску. Когда от трудного – или даже трагичного – решения нельзя было уклониться, аддикт психоанализа трансформировал реальный конфликт в «невротическое» проявление, которое нужно «еще анализировать», часто до тех пор, пока ситуация, требующая решения, не исчезнет. Слишком многие пациенты не бросали вызов аналитику, как и аналитик – им. Те, кто участвовал в «джентльменских соглашениях», подсознательно и не желали бросать вызов, потому что ничто не должно было раскачивать лодку их «мирного» существования. В дополнение к этому, поскольку психоаналитики становились все более уверены в большом поступлении пациентов, многие из них делались ленивыми и начинали верить в рыночное правило, согласно которому их «пользовательская ценность» должна быть высока, потому что высока их «рыночная стоимость». Поддержанные могущественной и престижной Международной психоаналитической ассоциацией, многие стали верить в то, что обладают «истиной» после прохождения ритуала допуска к получению диплома. В мире, где величина и могущество организации является гарантией истины, они только следовали общей практике.

Не предполагает ли это описание, что психоанализ не произвел в людях каких-либо существенных перемен? Что он

был целью сам по себе, а не средством достижения чего-то? Ни в коей мере: речь шла о неправильном использовании аналитической терапии некоторыми из аналитиков и пациентов, а вовсе не о серьезной работе, успешно проводившейся другими. Действительно, поверхностное отрицание терапевтического успеха психоанализа больше говорит о затруднениях, испытываемых некоторыми модными авторами в понимании комплексных факторов, с которыми имеет дело психоанализ, чем о психоанализе как таковом. Критика со стороны людей, имеющих малый опыт (или вовсе никакого) в этой области, не может выстоять против свидетельств аналитиков, наблюдавших многих пациентов, получивших облегчение неприятностей, на которые жаловались. Немалое число людей испытали новое чувство живости и способности радоваться; при том что никакой другой метод, кроме психоанализа, не мог привести к таким изменениям. Конечно, были и такие, кому совсем не удалось помочь, как и те, кому удалось достичь только умеренного улучшения, однако здесь не место анализировать терапевтический успех психоанализа статистически.

Неудивительно, что многие люди были привлечены обещаниями более быстрых и дешевых методов «лечения». Психоанализ показал возможность того, что благодаря профессиональной помощи можно облегчить страдания человека. С переходом к большей «эффективности», «быстроте»¹ и

---

¹ Для сравнения: статья Анисето Арамони «Новый анализ?», представленная

«групповым занятиям», а также с распространением потребности в лечении среди людей, доход которых был недостаточен для длительных ежедневных сессий, новые виды терапии неизбежно стали очень привлекательными и отвлекли от психоанализа множество потенциальных пациентов².

До сих пор я касался только самых очевидных и поверхностных причин современного кризиса психоанализа: неверного его применения многими психоаналитиками и пациентами. Для преодоления кризиса, по крайней мере на этом уровне, потребовалось бы только проводить более строгий отбор аналитиков и пациентов.

Необходимо, однако, спросить: как могло возникнуть такое неправильное применение? Я попытался дать весьма ограниченный ответ на этот вопрос, но ответить на него полностью возможно, только если мы обратимся от поверхностных проявлений к более глубокому кризису, в котором пребывает психоанализ.

Каковы причины этого более глубокого кризиса?

Я полагаю, что главная причина лежит в переходе психоанализа от радикальной к конформистской теории. Изначально психоанализ был радикальным, проникновенным,

---

на Третьем форуме психоанализа, Мехико, 1969.

² Изобретение групповой терапии, каковы бы ни были ее терапевтические достоинства (которые я не могу оценить, не имея личного опыта), не удовлетворило потребности в более дешевом лечении и создало вторую основу для психоанализа. Сензитивные группы стали теперь популярным выходом для потребности в том, чтобы какой-то вид терапии стал частью массовой культуры.

освобождающим учением. Однако он постепенно утратил этот характер, наступила стагнация; психоанализ не сумел развить свою теорию в ответ на изменившуюся после Первой мировой войны человеческую ситуацию; вместо этого он отступил в конформизм и поиск респектабельности.

Наиболее креативным и радикальным достижением фрейдовского учения было создание «науки иррационального», т. е. теории бессознательного. Как отмечал сам Фрейд, это было продолжением работы Коперника и Дарвина (я бы добавил еще и Маркса): они разрушили иллюзию человека касательно места нашей планеты в космосе и его собственного места в природе и в обществе. Фрейд штурмовал последнюю крепость, остававшуюся непобежденной, – человеческое сознание как окончательную данность психического опыта. Он показал, что большая часть того, что мы осознаем, нереальна, а большую часть того, что реально, мы не осознаем. Это был открытый вызов философскому идеализму и традиционной психологии, дальнейшее проникновение в познание того, что на самом деле реально. (Другой решительный шаг в этом направлении был сделан теоретической физикой, пошатнувшей еще одну истину – касающуюся природы материи.)

Фрейд не просто констатировал существование бессознательных процессов в общем (это до него делали и другие), но эмпирически показал, как они функционируют, продемонстрировав их действие на конкретных наблюдаемых фено-

менах: невротических симптомах, сновидениях, мелких событиях повседневной жизни.

Теория бессознательного – один из наиболее решительных шагов в нашем знании о человеке и в нашей способности отличать внешнее от реального в человеческом поведении. Как следствие, это открыло новое измерение честности³ и тем самым создало новую основу для критического мышления. До Фрейда считалось достаточным знать о сознательных намерениях человека, чтобы судить об его искренности. После Фрейда этого уже стало недостаточно; на самом деле этого было очень мало. Позади сознания таилась скрытая реальность, бессознательное, являющаяся ключом к *истинным* намерениям человека. Благодаря анализу (или психоаналитическому подходу к оценке поведения человека) привычная буржуазная (или любая другая) респектабельность с ее лицемерием и бесчестностью оказалась в принципе поколебленной до основания. Человеку стало недостаточ-

---

³ Обычно считается, что сексуальная революция явилась результатом теории Фрейда. Мне это представляется сомнительным, особенно потому, что новая сексуальная свобода следует паттерну потребления в современном индустриальном обществе, как убедительно показал Олдос Хаксли в своей книге «О дивный новый мир». Как бы то ни было, существует еще один аспект влияния Фрейда, которым часто пренебрегают. Один из самых значимых элементов протеста радикальной молодежи направлен как раз против притворства и мошенничества буржуазного общества, выражающихся в идеях, а также во многих действиях и языке. Поскольку Фрейд открыл новое измерение честности, его влияние может считаться одним из самых значимых для протеста молодежи против лицемерия.

но оправдывать свои действия благими намерениями⁴. Эти благие намерения, пусть и субъективно совершенно искренние, следовало подвергнуть более пристальному рассмотрению; каждому человеку нужно было задать вопрос: «Что за этим кроется?» или, точнее, «Кто ты на самом деле?» Фрейд сделал возможным рассмотрение вопроса «Кто ты и кто я?» в духе нового реализма.

Теоретической системе Фрейда, впрочем, свойственна глубокая дихотомия⁵. Фрейд, открывший путь к пониманию «ложного сознания» и самообмана человека, был радикальным мыслителем (хотя и не революционером), который в определенной мере вышел за границы своего общества. В некоторой степени он общество критиковал, особенно в «Будущем одной иллюзии». Однако он также был глубоко укоренен в предрассудках и философии своего исторического периода и своего класса. Фрейдовское бессознательное было главным образом обителью подавленной сексуальности; «честность» относилась по преимуществу к превратностям либидо в детстве, и критика Фрейдом общества ограничивалась критикой присущего ему подавления сексуальности. В своих великих открытиях Фрейд был бесстрашным и ра-

---

⁴ Марксова концепция «идеологии» имела то же значение, что и фрейдовская «рационализация», хотя Маркс и не пытался исследовать психологический механизм подавления (см. работу Э. Фромма «По ту сторону порабощающих нас иллюзий»).

⁵ См. подробный анализ этого положения в главе III «Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты».

дикальным мыслителем, однако в их приложении ему препятствовала неколебимая вера в то, что современное ему общество, хоть и ни в коей мере не удовлетворительное, есть конечная фаза человеческого прогресса и не могло бы быть улучшено в каких-то существенных чертах.

В связи с этим внутренним противоречием в личности Фрейда и в его теории вставал вопрос: какой из двух аспектов следовало бы развивать его последователям? Должны ли они были идти следом за тем Фрейдом, который продолжал дело Коперника, Дарвина и Маркса, или им следовало удовлетвориться теми мыслями и чувствами Фрейда, которые были ограничены категориями буржуазной идеологии и опыта? Нужно ли им было развивать *специальную* фрейдовскую теорию бессознательного, связанную с сексуальностью, в общую теорию, которая имела бы своим объектом полный спектр подавленных психических проявлений? Должны ли были они развить фрейдовское сексуальное освобождение в общее освобождение, расширяющее сознание? Если сформулировать это иначе, в более общей форме, могли ли они развить наиболее действенные и революционные идеи Фрейда или должны были держаться за те теории, которые легче всего были бы приняты обществом потребления?

За Фрейдом можно было идти в обоих направлениях, однако его последователи-ортодоксы двинулись за реформатором, а не за радикалом. Им не удалось развить теорию, освободив ее основные находки от связанной с эпохой ограни-

ченности и придав им более широкое и радикальное звучание. Они все еще извлекали пользу из той ауры радикализма, которую имел психоанализ перед Первой мировой войной, когда разоблачение сексуального ханжества выглядело смелым и революционным.

Влияние последователей-конформистов отчасти было следствием определенных черт личности Фрейда. Он был не только ученым и врачом, но также и «реформатором», верившим в свою миссию основателя движения за рациональное и этическое преобразование человека⁶. Он был ученым, но, несмотря на свое увлечение теорией, никогда не терял из вида «движения» и его политики. Большинство из тех, кого он сделал предводителями движения, были людьми, лишенными какой-либо способности к радикальной критике. Сам Фрейд не мог этого не знать, но выбрал их, потому что они обладали одним выдающимся качеством: безусловной лояльностью ему и движению. По сути, многие из них обладали характеристиками бюрократов в любом политическом движении. Поскольку движение контролировало как теорию, так и терапевтическую практику, такой выбор предводителей должен был иметь значительное влияние на развитие психоанализа.

---

⁶ В 1910-е годы Фрейд играл с идеей привлечения своих учеников в международное Братство за этику и культуру, которое должно было быть преобразовано в организацию воинствующих психоаналитиков. Вскоре Фрейд бросил эту затею ради идеи основания Международной психоаналитической ассоциации (см. Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда).

Другие сторонники отошли от движения: Юнг – потому что, среди других причин, был неисправимым романтиком; Адлер – поскольку был довольно поверхностным, хотя и очень одаренным рационалистом. Ранк развивал оригинальные взгляды, но оказался отстранен, возможно, не столько из-за догматических взглядов Фрейда, сколько из-за зависти своих конкурентов. Ференци, возможно, самый любимый и одаренный воображением из учеников Фрейда, не имевший ни амбиций «лидера», ни смелости порвать с Фрейдом, был тем не менее резко отвергнут, когда в конце жизни разошелся с учителем во мнениях по некоторым важным вопросам. Вильгельм Райх был изгнан из организации, несмотря на то – или, скорее, из-за того, – что развил фрейдовскую теорию секса до крайних пределов; он олицетворяет особенно интересный пример страха перед психоаналитической бюрократией (а в данном случае и перед Фрейдом) и перехода от реформ к радикальной позиции в той самой области, которую Фрейд сделал центром своей системы.

Победители в борьбе за власть при дворе Фрейда осуществляли строгий контроль, хотя между ними имели место соперничество и ревность. Наиболее резкое проявление этой внутренней борьбы в группе описано Эрнестом Джонсом в его «придворной биографии», в которой он заклеил двоих соперников своего покойного шефа, Ференци и Ранка, как обезумевших ко времени их отступничества.

Наиболее ортодоксальные психоаналитики признали кон-

троль бюрократии, подчинились ее правилам и выказали лояльность, по крайней мере на словах. Тем не менее были некоторые психоаналитики, которые оставались в организации и делали важные и оригинальные вклады в психоаналитическую теорию и практику, такие как С. Радо, Ф. Александер, Фрида Фромм-Рейхман, супруги Балинт, Р. Шпитц, Э. Эриксон и многие-многие другие. Преобладающее большинство аналитиков в организации были склонны видеть только то, что ожидали (и чего ожидали от них) найти. Одним из самых поразительных примеров этого служит то, что почти вся ортодоксальная психоаналитическая литература игнорировала тот очевидный факт, что младенец глубоко привязан к матери задолго до развития эдипова комплекса и что эти первичные узы – общие и для мальчиков, и для девочек. Некоторые из обладавших воображением и смелых психоаналитиков, как, например, Ференци, видели это и упоминали такие узы, но когда они писали о теории, они повторяли формулировки Фрейда и не использовали собственные клинические наблюдения⁷. Другим примером парализующего влияния бюрократического контроля служит единомыслие, с которым почти все психоаналитики-ортодоксы приняли теорию, согласно которой женщины – это кастриро-

---

⁷ Джон Боулби в своей острой статье «Природа привязанности ребенка к матери» приводит подробную историю психоаналитической теории применительно к этому моменту, а также привлекает внимание к противоречиям между клиническими описаниями и теорией у авторов-психоаналитиков (The International Journal of Psycho-Analysis, 34 [1958], 355–372).

ванные мужчины, несмотря на очевидные клинические данные и на биологические и антропологические свидетельства противного. То же верно и для дискуссии по поводу агрессии. Пока Фрейд обращал мало внимания на человеческую агрессивность, писатели из психоаналитического движения также игнорировали ее, однако после открытия Фрейдом инстинкта смерти разрушительность сделалась центральной темой. Хотя многие отказывали в признании инстинкту смерти (потому что, на мой взгляд, были слишком связаны механистической теорией инстинктов, чтобы оценить глубину новой теории), но даже они пытались приспособиться, противопоставляя «инстинкт разрушительности» половому инстинкту, тем самым отказываясь от старой дихотомии между половым инстинктом и инстинктом самосохранения, в то же время сохраняя прежнюю концепцию инстинкта.

* * *

Наиболее показательный пример того, до какой степени строгое следование правилам организации искажало даже элементарный человеческий отклик, являет следующее письмо М. Балинта редактору Международного журнала психоанализа (International Journal of Psycho-Analysis):

«Сэр, публикация третьего тома биографии великого Фрейда доктора Джонса поставила меня, как литературного душеприказчика Ференци, в неловкое положение.

В этом томе д-р Джонс высказывает довольно резкие взгляды на психическое состояние Ференци, особенно в последние годы его жизни, ставя ему диагноз медленно развивающейся паранойи, сопровождающейся под конец бредом и одержимостью мыслью об убийстве. Используя этот диагноз как основу, он интерпретирует в этом смысле научные публикации Ференци и его участие в психоаналитическом движении.

Несомненно, последний период жизни Ференци, началом которого можно считать публикацию книги «Genitaltheorie» (Таласса) и совместной с Ранком работы «Entwicklungsziele» (Цели развития), был весьма противоречивым. Именно в эти годы Ференци выдвинул ряд новых идей, которые в то время были сочтены фантастическими, революционными, преувеличенными, необоснованными и т. д.

Более того, в нескольких случаях сам Ференци должен был отозвать или изменить только что высказанные идеи; было также широко известно, что Фрейд занял довольно критическую позицию в отношении многих – хотя далеко не всех – идей Ференци.

Все это создало крайне неблагоприятную атмосферу, сделавшую весьма затруднительной какую-либо объективную переоценку того, что в идеях Ференци было полезным и сохраняющим свою ценность.

Если бы теперь взгляды д-ра Джонса не остались бы оспо-

рены мной, предоставившим всю переписку Фрейда и Ференци для биографии, могло бы возникнуть впечатление, будто я, литературный душеприказчик Ференци, один из его учеников и близкий друг, согласен с ними. Это определенно создало бы у психоаналитической общественности ощущение, будто работы Ференци последних лет – когда, согласно д-ру Джонсу, его психическое здоровье пришло в упадок – не заслуживают внимания. На мой взгляд, имеет место как раз обратное. В поздних работах Ференци не только содержится предвидение развития психоаналитической техники и теории на 15–25 лет вперед, но и представлены идеи, которые могут пролить свет на проблемы настоящего или даже будущего.

Только по этой причине я хотел бы заявить, что я часто виделся с Ференци – один или два раза в неделю – во время его последней болезни, злокачественной анемии, которая привела к быстро прогрессирующей дегенерации связок. У него вскоре возникло расстройство координации движений, последние несколько недель он был прикован к постели, а несколько дней в конце его приходилось кормить; непосредственной причиной смерти стал паралич дыхательного центра. Несмотря на усиливающуюся физическую слабость, его разум оставался ясным; он несколько раз подробно обсуждал со мной свои разногласия с Фрейдом, строил планы того, как переработать и расширить свой доклад для последнего Конгресса, если когда-нибудь еще сможет держать в руке

перо. Я виделся с ним в последнее воскресенье его жизни, и даже тогда он, хотя и был очень слаб, сохранял совершенно ясный рассудок.

Несомненно, как и у каждого из нас, у Ференци были некоторые невротические черты, среди них обидчивость и острое желание быть любимым и оцененным, верно описанные д-ром Джонсом. Кроме того, возможно, д-р Джонс при постановке диагноза имел доступ не только к тем источникам, на которые он ссылается. Тем не менее, на мой взгляд, основное разногласие между д-ром Джонсом и мной заключается не столько в фактах, сколько в их интерпретации, что по крайней мере отчасти следует отнести за счет определенных субъективных факторов. Имеют ли наши расхождения другие источники или нет, я хотел бы предложить, чтобы в настоящее время наше несогласие было зафиксировано, оставив следующим поколениям поиск истины.

Ваш М. Балинт».

Ответ д-ра Эрнеста Джонса:

«Я, безусловно, сочувствую довольно неловкому положению д-ра Балинта. Естественно, мне и в голову бы не пришло сомневаться в правдивости его воспоминаний или точности его наблюдений. Впрочем, он не указал, что они вполне сопоставимы с более серьезным диагнозом, поскольку для страдающих паранойей характерно обманывать друзей и родственников, проявляя в большинстве случаев полную ясность мышления.

Не ожидаю я и что д-р Балинт подвергнет сомнению мою собственную добросовестность. То, что я писал о последних днях Ференци, основывалось на достойном доверия свидетельстве очевидца.

Оценка ценности последних работ Ференци, как справедливо отмечает д-р Балинт, противоречива. Я всего лишь привел мнения, твердо высказывавшиеся Фрейдом, Эйтингоном и всеми, кто, как мне было известно в 1933 году, был подвержен влиянию определенных субъективных факторов.

Эрнест Джонс».

Письмо Балинта едва ли нуждается в комментариях. Перед нами очень достойный и интеллигентный человек, ученик и близкий друг Ференци. Он чувствует обязанность представить факты, как он их видел, и опровергнуть утверждение Джонса о предполагаемой психической болезни своего учителя – «параноидной шизофрении». Он указывает на то, что Ференци, страдавший злокачественной анемией, до последнего дня сохранял ясный рассудок. Это однозначное утверждение, предполагающее, что заключение Джонса ложно. Однако как Балинт выражает свои поправки? Он начинает с заявления о том, что работы Ференци последнего периода были «весьма противоречивы», «революционны», «фантастичны», «преувеличены» и «безосновательны». Затем он подчеркивает, что поправляет утверждения Джонса *только* в качестве литературного душеприказчика, чтобы предотвратить потерю интереса общественности к последним ра-

ботам Ференци. За констатацией факта здравости рассудка Ференци следует признание у него невротических черт; Балинт оговаривается, что Джонс мог иметь доступ к другим источникам для постановки диагноза, о которых не упомянул. Наконец, противореча собственному главному утверждению, Балинт заканчивает предположением, что задача выяснения правды должна быть доверена следующему поколению. Эта отсылка к другим (неназванным) источникам не соответствует здравому смыслу. Если у Балинта – психиатра – не было сомнений в здоровом уме Ференци, то как можно допустить, что «другой источник» мог прийти к противоположному заключению, особенно учитывая, что Джонс не приводит никаких свидетельств этого другого источника, что он мог бы сделать и не называя имени, если бы такой источник существовал, по крайней мере, как серьезный свидетель.

Если бы такое уклончивое и смиренное письмо было написано менее значительной личностью, чем Балинт, или в условиях диктаторской системы, чтобы избежать тяжких последствий или ради спасения свободы и жизни, все было бы понятно. Однако, учитывая, что письмо было написано известным психоаналитиком, живущим в Англии, оно только показывает степень давления, которое препятствовало даже самой мягкой критике одного из лидеров организации.

Может показаться, что ответственность за бесплодие ортодоксальной психоаналитической мысли следует приписать исключительно Фрейду. Однако это, несомненно, заключение необоснованное. В конце концов, тех аналитиков, которые подобным образом покорялись, никто к этому не принуждал, они были свободны думать так, как хотели. Самым худшим, что могло с ними случиться, было бы изгнание из организации; были ведь и те, кто совершил «отчаянный» шаг без всяких неприятных последствий, если не считать обвинений бюрократии в том, что они не психоаналитики. Так что же препятствовало такой решительности?

Одна причина очевидна. Фрейд создал систему, на которую нападали и которую высмеивали почти все «респектабельные» профессионалы и сторонники академической науки, поскольку в то время Фрейд бросал вызов многим табу и привычным идеям. Отдельный психоаналитик чувствовал себя неуверенно во враждебном окружении, поэтому естественно, что он искал источник силы в принадлежности к организации, благодаря чему чувствовал себя не одиноким, членом сражающейся секты и, безоговорочно подчиняясь организации, получал защиту, если был должным образом «посвящен». Было также естественно, что вместе с верой в организацию возникал и некоторый «культ личности».

Следует принять во внимание и еще один фактор. Психоанализ претендовал на знание ответа на загадку человеческого разума. Он и в самом деле давал некоторые «ответы» – если в этой области таковые существуют – на один из аспектов загадки; впрочем, учитывая необъятность проблемы, оставалось еще гораздо больше того, что еще только предстояло понять. Если отдельный психоаналитик осознавал фрагментарный характер своих знаний, как теоретических, так и терапевтических, он почувствовал бы себя еще более неуверенно в ситуации, когда даже то, что он знал, отвергалось и подвергалось насмешкам. Поэтому разве не было естественным с его стороны поддерживать иллюзию того, что Фрейд по сути открыл истину полностью и что благодаря магическому приобщению он, как член организации, разделял это обладание истиной? Конечно, он мог принимать факт фрагментарности и условного характера своих знаний, но это потребовало бы не только значительной независимости и мужества, но и способности к продуктивному мышлению. Это потребовало бы от каждого психоаналитика отношения скорее любознательного исследователя, чем профессионала, просто использующего свою теорию, чтобы добыть средства к существованию.

Очевидно, тот же процесс бюрократизации и отчуждения мысли, который я описал здесь применительно к психоаналитическому движению, может наблюдаться в истории многих политических, философских и религиозных движений.

Он относительно редок в истории науки, иначе наиболее творческие научные идеи были бы подавлены и их развитие остановлено духом бюрократии и догматизма⁸. Я так подробно описал такое развитие психоаналитического движения, потому что это существеннейший, хотя и недостаточно признанный фактор, в котором коренится кризис психоанализа⁹.

Описывая негативный эффект бюрократической природы психоаналитического движения, мы имеем дело только с одним фактором, способствующим кризису психоанали-

---

⁸ Искажение теоретических открытий Маркса сталинизмом и временное подавление генетики школой Лысенко при Сталине – хороший пример бюрократического разрушения науки.

⁹ Следует отметить, что в последние годы психоаналитическая бюрократия сделалась гораздо либеральнее, чем раньше. Главная причина этого, возможно, заключается в том, что наиболее оригинальные мыслители в организации в значительной мере отошли от норм «правильного мышления», которые навязывались некоторое время назад. Не произойди такая либерализация, движение лишилось бы столь многих продуктивных членов, что едва ли могло бы продолжать существовать. Либерализации способствовала угроза со стороны конкурирующих независимых индивидуальных аналитиков, психоаналитических обществ и образовательных институтов. Симптоматическим выражением либерализации стало существование двух или более независимых обществ в различных странах, различающихся по степени приверженности к фрейдистским догмам, но сохраняющих членство в организации. Тем не менее бюрократический контроль вовсе не исчез, и по этой причине многие психоаналитики покинули Международную психоаналитическую ассоциацию, были изгнаны из нее или не приняты в члены. В последние годы была сформирована Международная федерация психоаналитических обществ, не придерживающаяся какого-либо определенного направления психоаналитической теории и имеющая единственной целью научный обмен между своими членами.

за. Более важны социальные изменения, происходившие с нарастающей скоростью после Первой мировой войны. Если буржуазный либерализм в начале столетия все еще сохранял элементы радикальной критики и стремления к реформам, то большинство представителей среднего класса делались все более консервативными по мере того, как стабильности системы начали угрожать новые экономические и политические силы. Автоматизация, появление «человека организации» с сопутствующей утратой индивидуальности, возникновение диктаторских режимов в важных частях мира, угроза ядерной войны – все это были значимые факторы, вызвавшие у среднего класса защитную реакцию. Большинство психоаналитиков, разделявших тревоги среднего класса, разделяли и эту защитную реакцию, и настороженность.

По контрасту с этим большинством имелось и незначительное меньшинство радикальных психоаналитиков – «левых», пытавшихся поддерживать и развивать радикальную систему Фрейда и стремившихся к гармонии между фрейдовскими взглядами на психоанализ и социологическими и психологическими взглядами Маркса. К ним относились С. Бернфельд и Вильгельм Рейх, пытавшийся достичь синтеза фрейдизма и марксизма¹⁰. Моя собственная работа также касалась этой проблемы, начиная с «Догмата о Хри-

---

¹⁰ В последние годы, во время пребывания в Соединенных Штатах, Рейх полностью отвернулся от марксистской теории и утратил симпатию к социализму, который считал уступающим либеральной политике Рузвельта и Эйзенхауэра (см. Reich-Ollendorf I. Wilhelm Reich. N.Y.: St. Martin's Press, Inc., 1969).

сте» (1930)¹¹. В более недавнее время Р. Д. Лэинг, один из самых оригинальных и творческих представителей современного психоанализа, привел блестящее изложение проблем психоанализа с радикальных политических и гуманистических позиций.

Не менее важно влияние психоанализа на радикальный артистический и литературный авангард. Интересным феноменом является то, что радикальные особенности теории Фрейда, которыми в основном пренебрегали профессиональные аналитики, привлекли пристальное внимание радикальных движений в совершенно отличающихся областях. Это влияние было особенно заметным среди сюрреалистов, хотя ими и не ограничивалось.

Последние десять лет также показали растущий интерес к проблемам психоанализа со стороны некоторых политически радикальных философов. Жан-Поль Сартр сделал весьма интересный вклад в психоаналитическое мышление в рамках собственной экзистенциалистской философии. Помимо Сартра и О. Брауна, среди представителей этого направления наиболее известен Герберт Маркузе, разделявший интерес к связи между Марксом и Фрейдом с другими членами Франкфуртской группы, такими как Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно. Есть также несколько других, осо-

---

¹¹ Английский перевод «Догмы о Христе» вышел в Нью-Йорке в 1963 году. Те же идеи были продолжены в двух статьях 1932 года, представленных в настоящем томе (главы IX и X).

бенно среди марксистов и социалистов, кто в последние годы проявлял значительный интерес к этой проблеме и много писал о ней. К несчастью, эта новая литература часто страдает от того факта, что многие из пишущих – «философы психоанализа», не обладающие достаточными познаниями в его клинической основе. Не нужно быть психоаналитиком, чтобы понимать теории Фрейда, но нужно знать их клинический базис, иначе слишком легко неверно интерпретировать фрейдовские концепции или просто выхватывать смутно подходящие цитаты без достаточного знания всей системы.

Маркузе, написавший по поводу психоанализа больше любого другого философа, являет собой хороший пример того специфического искажения, которое «философ психоанализа» может придать психоаналитической теории. Он утверждает, что его работа «движется исключительно в поле теории и держится на расстоянии от той технической дисциплины, в которую превратился психоанализ». Такое утверждение озадачивает; оно предполагает, что психоанализ, начавшийся как теоретическая система, позднее превратился в «техническую дисциплину», в то время как теории Фрейда целиком основывались на клинических наблюдениях.

Что понимает Маркузе под «технической дисциплиной»? Иногда кажется, что он говорит только о проблемах терапии, однако в других случаях термин «техническая» используется применительно к клиническим, эмпирическим данным.

Проводить различия между философией и аналитической теорией, с одной стороны, и психоаналитическими клиническими данными – с другой – несостоятельно в науке, концепции и теории которой не могут быть поняты безотносительно к клиническим феноменам, на основании которых они были созданы. Конструирование «философии психоанализа», игнорирующей его эмпирический базис, должно неизбежно привести к серьезным ошибкам в понимании теории. Позвольте мне снова сказать: я не утверждаю, что человек должен быть психоаналитиком или хотя бы подвергнуться психоанализу, чтобы обсуждать проблемы психоанализа. Однако, чтобы разбираться в психоаналитических концепциях, нужно обладать интересом к клиническим данным, индивидуальным или социальным, и обладать способностью иметь с ними дело. Маркузе и другие настаивают на том, чтобы пользоваться такими концепциями, как *регрессия*, *нарциссизм*, *извращение* и т. д., оставаясь в мире чисто абстрактных спекуляций; они чувствуют себя «свободными» создавать фантастические конструкции именно потому, что не обладают эмпирическими знаниями, на основании которых можно было бы эти спекуляции проверять. К несчастью, многие читатели получают информацию о Фрейте из этих искаженных источников, не говоря уже о серьезном вреде, который такое путаное мышление причиняет тем, к кому обращено.

Здесь не место для полного обсуждения работ Маркузе, посвященных психоанализу, – «Эрос и цивилизация», «Од-

номерный человек», «Эссе об освобождении»¹². Я ограничусь несколькими замечаниями. Во-первых, Маркузе, являясь человеком весьма начитанным, тем не менее делает элементарные ошибки, представляя концепции Фрейда. Так, например, он неверно понимает «принцип реальности» и «принцип удовольствия» (хотя в одном случае и приводит правильную цитату), предполагая, что существует несколько «принципов реальности», и утверждая, что западная цивилизация управляется одним из них, «принципом исполнения». Не могло ли быть, что Маркузе разделял популярное заблуждение, согласно которому «принцип удовольствия» относится к гедонистической норме, предполагающей, что цель жизни – удовольствие, а «принцип реальности» – к социальной норме, согласно которой устремления человека должны быть направлены на труд и следование долгу? Фрейд, конечно, ничего этого не имел в виду; для него принцип реальности был «модификацией» принципа удовольствия, а не его противоположностью. Фрейдовская концепция принципа реальности заключается в том, что каждому человеческому существу присущи способность наблюдать реальность и тенденция защищать себя от ущерба, который могло бы нанести неограниченное удовлетворения инстинктов. Такой принцип реальности совершенно отличен

---

¹² В «Эссе об освобождении» Маркузе изменил некоторые из своих прежних взглядов и согласился с теми, которые ранее резко критиковал, хотя и не высказал этого прямо.

от норм данной социальной структуры: одно общество может очень жестко ограничивать сексуальные пожелания и фантазии, и, следовательно, принцип реальности будет направлен на защиту индивида от вреда, который тот мог бы причинить себе, заставляя его подавлять подобные фантазии. В другом обществе могут быть совершенно противоположные обычаи, и, следовательно, не будет причины, чтобы принцип реальности мобилизовал сексуальное подавление. «Принцип реальности» в понимании Фрейда – один и тот же в обоих случаях; различается же социальная структура и то, что я назвал бы «социальным характером» в данной культуре или классе. (Например, воинственное общество породит социальный характер, поощряющий агрессивные тенденции, а стремления к сочувствию и любви подавляющий; в мирном, ориентированном на сотрудничество обществе будет иметь место противоположное. В XIX веке в среднем сословии стремление к удовольствиям и тратам подавлялось, в то время как ограничение потребления и накопление поощрялись; ста годами позже социальный характер стал поощрять траты и не одобрять накопления, рассматривая скардность как противоречащую требованиям общества. В каждом обществе человеческая энергия трансформируется в специфический вид, и такая энергия может использоваться обществом для собственного должного функционирования. Соответственно, то, что подавляется, зависит от системы и социального характера, а не от иного «прин-

ципа реальности.) Однако концепции характера в динамическом смысле, как его понимал Фрейд, вовсе нет в работах Маркузе; можно предположить, что так происходит потому, что такая концепция не «философская», а эмпирическая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.